

УДК 343.3.7

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-117-123

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ РЕАКЦИЯ НА УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ
КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА****В.А. КУКШТЕЛЬ***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

Анализируется уголовно-правовая реакция на уклонение от погашения кредиторской задолженности в социально-историческом аспекте развития экономических отношений. В качестве предмета исследования формирования и становления института ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности в контексте истории белорусского законодательства определены Статуты Великого Княжества Литовского (далее – Статуты ВКЛ), Устав о наказаниях 1864 г., Уголовное уложение «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу» 1903 г., а также уголовное законодательство советского периода. Историко-правовой анализ уклонения от погашения кредиторской задолженности имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку способствует лучшему осознанию законодательной конструкции исследуемого преступления.

Ключевые слова: кредиторская задолженность, история развития, Статуты ВКЛ, уклонение, обязательственное право.

Введение. В доктрине уголовного права исследователи неоднократно отмечали значимость историко-правового анализа формирования и становления уголовно-правовых норм. В частности, Б.В. Волженкин писал: «ученый ... должен исследовать ретроспективу развития юридической мысли ... в том числе в целях использования уже ранее полученного положительного опыта, который может быть полезен и в новых условиях» [1, с. 7]. Н.С. Таганцев отмечал, что история является «средством понимания современного права через призму применения исторического толкования в сфере действующего законодательства» [2, с. 21]. А.В. Барков в своих работах говорит, что «обратившись к истории, мы сможем лучше понять те тенденции, которые присутствуют в современном белорусском уголовном законодательстве и практике его применения» [3, с. 248].

Переход от Средневековья к Новому времени в социально-экономической, политической, религиозно-идеологической жизни Беларуси, в принципе, как и во всей Европе, датируется XV – XVI вв. В данный период широко распространение приобретают идеи гуманизма и Реформации, которые влияют на становление и развитие белорусского законодательства. Однако исследователи отметили, что «Дзеячы Адраджэння і Рэфармацыі актыўна звярталіся да ідэй, поглядаў, думак мысліцеляў Антычнасці і перапрацоўвалі іх у дачыненні да свайго часу згодна з яго патрабаваннямі» [4]. Предметом исследования формирования и становления института ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности в контексте истории права Беларуси определим Статуты Великого Княжества Литовского (далее – Статуты ВКЛ), поскольку данные правовые документы являлись систематизированным сводом законов XVI в., составляющих устойчивую правовую основу государства, в состав которого входили земли Беларуси [5, с. 58]. И.А. Юхо обращает внимание: «... змены ў прававой сістэме Беларусі пачынаюцца з даволі дасканалага заканадаўства Вялікага княства Літоўскага, палітыка-эканамічным цэнтрам якога былі беларускія землі ...» [6, с. 281].

Преамбула ныне действующей Конституции Республики Беларусь содержит фразу: «...опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности ...», однако не содержит в себе упоминания о каких-либо исторических правовых документах, сформировавших истоки и фундаментальные принципы белорусского права. Исследователи пришли к выводу, что «многие правовые положения, закрепленные в Статутах ВКЛ, имеют общеславянскую правовую основу, так как развились из общего правового сознания славян, сформировавшегося в рамках древнего обычного права» [7]. На наш взгляд, весомым аргументом, подтверждающим формирование Статутами ВКЛ белорусской правовой системы, является тот факт, что они были изданы на белорусском языке. Как отмечает Т.И. Довнар: «... абагульнення папярэдніх прававых набыткаў рабілі спробу распрацоўкі новай прававой тэорыі, ставячы галоўнай мэтай удасканаленне існуючых грамадскіх адносін і выпрацоўку больш грунтоўных законаў, што ўрэшце і прывяло да сістэматызацыі права і стварэння вельмі дасканалых для свайго часу зводаў законаў – Статутаў 1529, 1566, 1588 гадоў» [8]. В целом развитие законодательства Великого Княжества Литовского, следовательно, и белорусского, поскольку оно входило в его состав, профессор условно разделяет на два периода: период привелеев и период статутов [9, с. 97]. По мнению И.А. Юхо, первые попытки систематизации права относятся к праву отдельных земель и были воплощены в Полоцкой и Витебской областных грамотах [10, с. 59]. Несмотря на это только в Статутах ВКЛ сформированы нормы характерные для современного белорусского законодательства. Знаменитый представитель кальвинистского движения ВКЛ А. Волян отмечал: «Права павінна быць справядлівым, выступаць гарантам свабоды і роўнасці, быць разумным. Яно павінна стаяць на варце ўсеагульнай справядлівасці» [11, с. 76].

Исследователи пришли к выводу, что в Статутах ВКЛ не было четкой регламентации государственной формы собственности с точки зрения современного доктринального понимания данного института, поскольку «... в ВКЛ не существовало четкого отграничения государства, призванного управлять с целью соблюдения общественных интересов, от интересов частных собственников» [12].

Основная часть. В Статутах ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. заложено начальное формирование признаков экономической преступности, которые в последствие претерпят существенную трансформацию. К.С. Захилько пишет, что в данном историческом документе существует понятие «... несчастного и виновного банкротства». Под последним понимается деятельность, в результате которой должник разоряется от собственных виновных действий [13].

В ст. 3 раздела 10 Статута ВКЛ 1529 г. существует упоминание примитивного понятия кредиторской задолженности: «В каких случаях необходимо присягать о долге» «...каждый, кто жалуется как по поводу своих убытков, причиненных ему каким-либо образом, так и по поводу причитающегося ему долга ...». Правовая норма разграничивает возможности возникновения убытков как результат долга и убытки, причиненные каким-либо другим образом, не поясняя каким именно. Представляется, что это первое упоминание об обязательстве в нынешнем его понимании. Суть вышеупомянутой ст. 3: убытки, в том числе и долги стоимостью свыше 10 коп должны подтверждаться долговой записью, в случае ее утраты – лица, видевшие ее (свидетели), должны присягать о долге, т.е. подтвердить, сколько должник обязан уплатить. Закон регламентировал, что «... ни один шляхтич и мещанин не давал в долг без долговой записи больше десяти коп. А если бы кто-нибудь из шляхтичей или мещан дал в долг без долговой записи больше десяти коп грошей, а должник отказался бы от этого, то суд не должен позволить присягнуть кредитору на большую сумму, чем десять коп, а что кредитор даст в долг без долговой записи свыше десяти коп, то должен потерять»¹. Закрепление данной нормы в Статуте формирует правосознание общества, выводит правовую культуру граждан на новый уровень посредством введения обязанности документального подтверждения межличностных денежных отношений. В связи, с чем происходит упорядочивание сферы долговых обязательств, устраняются споры по поводу их возникновения.

Отметим, что анализируемый нами раздел 10 Статута ВКЛ 1529 г. ввел такие понятия, как «кредитор», «должник», «долговая запись», «залог», «залогодатель», «залогодержатель», что свидетельствует о начальном формировании обязательственного права. Прогрессивность исследуемого исторического документа заключалась в ярко выраженной гуманистической направленности, о чем свидетельствует введение принципа ответственности всех исключительно по закону и только по суду.

Второй Статут ВКЛ 1566 г. характеризуется еще большим объемом и более качественной систематизацией норм. Необходимо отметить, что кодификационная техника изложения правового акта находилась на более высоком уровне по сравнению с предыдущим вариантом. Анализ второго Статута ВКЛ показал, что в нем отразились общественно-политические изменения Великого Княжества Литовского данного периода, прослеживается стремление перехода от обычного права к писанному в государственной деятельности. Характерной особенностью Статута ВКЛ 1566 г. является демократизм государственного права: принцип выборности монаха, ограничение его прав законом, нормативная регламентация закрепления принципа отделения суда от администрации. Вопросы же регулирования гражданско-правовых отношений содержались в разделе 7 Статута 1566 г. Обратим внимание, что обязательства остались на прежнем уровне урегулирования и никаким существенным изменениям эта область не подверглась.

Статут ВКЛ 1588 г. является третьим изданием сводов законов Великого Княжества Литовского, в основу которого были положены предшествующие редакции сборников законов ВКЛ, основанных на обычном праве, местной судебной практике, периодических изданиях «Русской Правды», а также польских судебных кодексов. Отметим, что в вышеупомянутом источнике права на законодательном уровне признается переход от теологического к юридическому мировоззрению «...садзейнічалі трансфармацыі характэрнай для лютэранства ідэі роўнасці ўсіх перад Богам у ідэю роўнасці ўсіх перад законам» [14]. Проанализировав, третий Статут отметим, что раздел VII «Пра записы і продажы» достаточно подробно урегулировал правовые отношения в области долговых обязательств на недвижимость: поместья, землю. Например, артыкул «Пра записы маёнткау вотчынных, мацярынскіх і усякім звычайна набытых», артыкул 11 «Пра два ці некалькі даугоу на адным маёнтку», артыкул 13 «Пра спосаб доказу закладу нерухомай маёмасці, дзе б хто каго выклікаў для вяртання грошай» и т.п.².

Собственно, вопросы долговых обязательств на движимые вещи были урегулированы в третьем Статуте ВКЛ не столь подробно по сравнению с недвижимостью. Обратим внимание на артыкул 7 «Пра записы, якія павінны быць прыняты па закону без афіцыйнай заявы, і аб пазыках купецкіх». Норма регулирует долговые отношения, в основу которых положена как движимая вещь, взятая в долг на определенное время, так и сумма денег. Законодатель определил, что данные сделки признаются законными при условии их письменного оформления с подписью и печатью сторон сделки, а также с печатями «людей веры годных», под которыми понимались шляхтичи. Фактически государственного оформления такого рода отношения не требовали. Артыкул 14 «Пра вяртанне сумы грошай за заклад» устанавливает нововведение о необходимости применения залога для обеспечения обязательства.

Как отмечают исследователи, нормы Статутов ВКЛ свидетельствуют о духовном развитии общества. Законодатель стремится создать «... более благоприятные, упорядоченные нормами права условия существования человека в обществе, закрепив такие прогрессивные принципы, как выборность, коллегиальность, законность, ответственность, отделение суда от администрации, участие в суде присяжных и другие, что помогало избежать социальных взрывов в обществе» [15]. Можно заключить, что содержание Статутов свидетельствует о развитии средневековой демократии, зарождении новой формы правосознания. Несмотря на это, анализ правовых норм

¹ URL: <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-40/Statut1529/text10.htm>.

² Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 / Пераклад на сучасную бел. Мову А.С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2016. – С. 55.

показал отсутствие четко сформулированного гражданско-правового института кредиторской задолженности, а, следовательно, и алгоритма действий при уклонении от погашения кредиторской задолженности в нынешнем уголовно-правовом понимании. Данное явление естественно, учитывая особенности исторического периода, уровень развития общества и производственных отношений, начальное состояние формирования и развития правовой системы, которые не позволяли идентифицировать сформированные кредитно-денежные отношения и гражданско-правовые обязательства, и, как следствие, их правовую защиту. Однако существовавший упрощенный характер гражданско-правового обмена в этот исторический период регулировался правовыми нормами, положенными впоследствии в формирование исследуемого нами вида обязательства.

Статут 1588 г. регулировал общественные отношения на белорусских землях вплоть до 1840 г. С данного периода источником права на землях нашего государства являлось российское законодательство. Имперская власть, преследуя цель обеспечить политическую лояльность новых национальных регионов, вошедших в состав России, сочла возможным сохранить ограниченное действие прежних национальных правовых систем, охватывающих сферу гражданско-правовых отношений [16]. Однако высокий уровень отличий как структурно-функциональной организации вошедших государств, так и их национальных систем права стал основной причиной отмены в 1840 г. действия местного права на белорусских землях. В данный исторический период на землях Российской империи, а, следовательно, и на территории Белоруссии действовало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором существовала глава, закрепляющая ответственность за преступления по договорам и другим обязательствам. Отметим, что уголовно-правовая защита кредитных отношений в русском законодательстве была более прогрессивной, нежели в Статуте ВКЛ 1588 г. Так, еще Соборное уложение 1649 г. содержало в себе уголовно-правовой институт злостного банкротства, согласно которому предусматривалась ответственность должника перед кредитором в случае, если он не исполнял взятое на себя обязательство [17, с. 15]. В качестве наказания должника выдавали кредитору до момента окончательного расчета, в том числе посредством физической отработки долга. Законодатель предусматривал гражданскую ответственность предшествием наступления уголовного наказания за исследуемое деяние. Отметим, что в данном случае в рамках гражданской ответственности использовался «провёж» (взыскание долга с применением насилия, истязания). «Должника, который не хотел платить, утром выводили перед приказной избой, обнажали икры и били по ним палками или укладывали на землю и били батогами по спине» [17, с. 15]. В случае неуплаты долга в установленный срок (один месяц за сто рублей) после применения физического наказания, предусматривалось обращения взыскания на имущество должника. В 1864 г. в Российской империи был принят Устав о наказаниях с целью дифференциации ответственности за преступления. Данный правовой акт вводил понятия «уголовного проступка» и «маловажных преступлений». Законодатель ввел понятие о долговых обязательствах на сумму, не превышающую трехсот рублей, и предусматривал наказание за данные деяния в виде тюремного заключения сроком от одного до трех месяцев, тем самым заложив начало принципа гуманизма в систему наказаний [17, с. 15].

В 1903 г. в Российской империи вступило в действие Уголовное уложение «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу». Новеллой данного правового акта стала криминализация ответственности за «неисполнение обязанностей должника по отношению к его кредиторам», «сокрытие способов удовлетворения кредиторов», «противозаконное распоряжение своим имуществом во вред кредиторам». Исследователи, занимающиеся изучением экономической преступности царской России, отмечают, что «нормы многих законов были недоработаны, двояко толковались, а также существовали широкие возможности для уклонения от уголовной ответственности» [18, с. 63].

Таким образом, несмотря на неразвитость хозяйственных отношений XIX в., уголовно-правовое законодательство Российской империи должным образом охраняло отношения между должниками и их кредиторами. По сути, приведенные выше нормы являются сходными с объективными и субъективными признаками уклонения от погашения кредиторской задолженности в нынешнем его понимании в ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Следующим этапом становления института уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности стало уголовное законодательство советского периода. Особенностью уголовной политики того времени – ориентация на защиту хозяйственной деятельности, основанной исключительно на государственной форме собственности, поскольку в секторе экономики советских республик не было места частной предпринимательской деятельности, она была запрещена законом. С 1922 г. по 1928 г. на территории Белоруссии действовал Уголовный Кодекс РСФСР, который предусматривал уголовную ответственность за спекуляцию. Поскольку законом признавалась только одна форма собственности – государственная, легальные рыночные отношения были запрещены законодательством, в уголовных кодексах советского периода отсутствовали такие дефиниции как «должник», «кредитор», «кредит». Также не было надобности и в установлении уголовной ответственности за ненадлежащее поведение должников перед своими кредиторами.

С 1928 г. уголовно-правовые отношения на белорусских землях регулировал Уголовный кодекс Белорусской ССР 1928 г. Безусловно, данный документ, как и Уголовный Кодекс РСФСР 1922 г., под экономической деятельностью понимал хозяйственные отношения, основанные на государственной форме собственности. Несмотря на это глава VII «Имущественные преступления» содержала ст. 252, согласно которой предусматривалась уголовная ответственность за «неисполнение договора с государственным, общественным или кооперативным учреждением,

или предприятием, если при рассмотрении дела в порядке гражданского судопроизводства установлен злонамеренный характер неисполнения»³. Указанная выше норма под предметом преступления понимала гражданско-правовые обязательства любого вида, фактически устанавливала ответственность за уклонение от погашения кредиторской задолженности. Отметим, что как в рамках анализируемой статьи, так и в ст. 242 УК 1999 г., уголовной ответственности предшествует гражданское судопроизводство. Однако, законодательство советского периода в качестве задачи судебного разбирательства в гражданском порядке определяла установления факта «... злонамеренного характера неисполнения обязательства». В свою очередь задачей нынешней гражданской юстиции является констатация факта существования кредиторской задолженности. Задача уголовного судопроизводства (в рамках исследуемого преступления) законодатель определил установление факта уклонения от исполнения судебного постановления при наличии возможности исполнить обязательство о погашении кредиторской задолженности.

Прогрессивность конструирования Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., заключалась в наличии главы V «Хозяйственные преступления», в рамках которой существовала ст. 131 идентичная по своему содержанию ст. 252 Уголовного кодекса Белорусской ССР 1928 г. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. в ст. 111 предусматривал ответственность за «бездействие власти, то есть не выполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков ст. 109 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями», а равно халатное отношение к службе»⁴. Рекомендации комментария к Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. разъясняли, что к уголовной ответственности за преступление, изложенное в ст. 111, возможно привлекать членов ликвидационных комитетов, а также органы кооперативных организаций, признаваемые должностными виновными лицами за такие действия, как: будучи обязанными рассчитаться с кредиторами, не производят расчета или проводят его ненадлежащим образом, рассчитываясь неправильно с одними кредиторами в ущерб другим [19, с. 230]. Анализ норм свидетельствует о том, что уголовно-правовая защита неисполненных обязательств в сфере кредитных отношений существовала в рамках УК РСФСР 1926 г. в деяниях, ответственность за которые предусматривались ст.ст. 131 и 111.

В уголовном кодексе Белорусской ССР 1928 г. существовала ст. 196 «Небрежное или недобросовестное отношение должностного лица к своим служебным обязанностям, волокита и протекционизм, а также невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков, предусмотренных 2 ч. Ст. 195 Действие либо бездействие должностного лица»⁵. По своему содержанию данное преступление тождественно ст. 111 УК РСФСР 1926 г. Однако, отсутствие комментария к УК БССР 1928 г. не позволяла использовать аналогию.

Уголовный кодекс Белорусской ССР 1960 г. систематизировал общественно опасные деяния, причиняющие вред экономической безопасности государства, и поместил такого рода составы в главу 11 «Хозяйственные преступления». Отметим, что скомпонованные в рамках вышеупомянутой главы составы преступлений, посягающие на советскую экономику, существенно отличаются от нынешнего понимания. Уголовная ответственность предусматривалась за ныне декриминализованные деяния: ст. 150 «Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество», ст. 151 «Спекуляция», ст. 155 «Изготовление, хранение или сбыт крепких спиртных напитков домашней выработки», ст. 156 «Нарушение правил торговли спиртными напитками», ст. 157 «Подделка знаков почтовой оплаты и проездных билетов»⁶. Характерной особенностью главы 11 «Хозяйственные преступления» Уголовного кодекса БССР 1960 г. являлось расширение объекта преступных посягательств путем включения в него общественно опасных деяний, посягающих на экологическую безопасность и природную среду. В качестве примера приведем ст. 158 «Нарушение ветеринарных правил», ст. 159 «Нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений», ст. 161 «Незаконное занятие рыбным и другим водным добывающим промыслом», ст. 163 «Незаконная охота», ст. 164 «Потрава посевов» и т.п. Советский законодатель к числу хозяйственных преступлений относил ст. 152 Уголовного кодекса 1960 г. «Незаконное пользование товарными знаками», ныне относящуюся к общественным отношениям, регулируемым в рамках гражданского судопроизводства. Уголовный кодекс Белорусской ССР 1960 г. в качестве посягательства на хозяйственную деятельность государства рассматривал деяния, описанные в ст. 149 «Выпуск недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции» и в ст. 154 «Выпуск в продажу недоброкачественных, нестандартных и некомплектных товаров». Вышеупомянутые нормы отличаются друг от друга тем, что в рамках ст. 149 предусматривалась ответственность за выпуск недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции только из промышленных предприятий для должностных лиц, ответственных за соблюдение качества. Положение ст. 154 применялось в случаях выпуска в продажу недоброкачественных, нестандартных и некомплектных товаров, под которыми понималось «отпуск с баз, складов, секций торговых предприятий, независимо от их ведомственной принадлежности, производственных и промышленных товаров ненадлежащего качества для реализации в розничной торговле» [20, с. 260]. Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает ответственность за выпуск на товарный рынок либо реализацию потребителям недоброкачественной продукции в ст. 337

³ URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf.

⁴ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374>.

⁵ URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf.

⁶ URL: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/UK_BSSR_1960.pdf.

«Выпуск либо реализация недоброкачественной продукции». Белорусский законодатель под объектом преступления ст. 337 определил общественные отношения, посягающие на здоровье населения.

Анализ главы 11 «Хозяйственные преступления» Уголовного кодекса Белорусской ССР 1960 г. свидетельствует о существовании одного состава преступления, имеющего тождественную направленность уголовно-правовой охраны в рамках главы 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» УК Республики Беларусь 1999 г. Сущность ст. 160¹ «Уклонение от подачи декларации о доходах» аналогична ст. 243 «Уклонение от уплаты сумм налогов и сборов» УК Республики Беларусь. Однако используемые дефиниции и конструкции объективных сторон общественно опасных деяний существенно отличаются друг от друга.

Особенность советского уголовного законодательства заключается в наделении повышенной общественной опасностью преступных посягательств на социалистическую собственность и выделении их из числа имущественных преступлений в отдельную главу 7 «Преступления против социалистической собственности». Обратим внимание на ст. 92 Уголовного кодекса БССР 1960 г. «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверия». Диспозиция указанной выше статьи имеет следующее содержание: «Причинение имущественного ущерба государственной или общественной организации путем обмана или злоупотреблением доверия при отсутствии признаков хищения». Научно-практический комментарий к уголовному кодексу Белорусской ССР разъяснял, что «данное преступление не является хищением. Оно отличается от действий, предусмотренных в ст. 90 «Хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества» Уголовного кодекса 1960 г. тем, что не связано с незаконным изъятием и обращением в пользу виновного или других лиц государственного или общественного имущества. Рассматриваемым преступлением причиняется имущественный ущерб социалистической организации каким-либо иным путем, но обязательно связано с обманом или злоупотреблением доверия этой организации. В частности, по ст. 92 советского периода квалифицировались такие деяния как «уклонение путем обмана от передачи государству или общественной организации денег или имущества, которые лицо обязано было внести (например, путем сокрытия действительной суммы договора купли-продажи дома при регистрации его в нотариальной конторе не доплачивается государственная пошлина)» [20, с. 180].

Анализ разъяснения сущности ст. 92 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверия» Уголовного кодекса 1960 г. отразил существенные отличия в правоприменительной практике и подходах к квалификации общественно опасных деяний, существующих в советском и нынешнем периоде. Пример, приведенный в научно-практическом комментарии и подлежащей квалификации по ст. 92 уголовного кодекса Белорусской ССР в настоящее время образует состав преступления, ответственность за которое предусмотрено ст. 243 «Уклонение от уплаты сумм налогов и сборов». Обратим внимание, что вплоть до 1994 г. потерпевшим по ст. 92 советского уголовного закона признавалась только государственная или общественная организация, п. 73 Закона Республики Беларусь от 1 марта 1994 г. № 2827-ХІІ исключил из диспозиции нормы слова «... государственной или общественной организации ...», тем самым предоставив уголовно-правовую защиту любому собственнику⁷. Смысл, вложенный В.А. Шкурко, в ст. 92 Уголовного кодекса БССР, позволяет сделать вывод об определенном сходстве описанного общественно опасного деяния с исследуемой ст. 242 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Уклонение от погашения кредиторской задолженности». Тождественность указанных выше составов преступлений заключается в возникшем обязательстве, имеющем гражданско-правовую природу, по возмещению денежного или имущественного ущерба организациям.

Таким образом, ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» УК Республики Беларусь в нынешнем ее понимании уголовному праву советского периода была не известна. Схожий по своей направленности, имеющий общие начала с исследуемой национальной уголовно-правовой нормой, являлся состав преступления, ответственность за который предусматривалась в ст. 92 Уголовного кодекса БССР 1960 г. Однако последний содержался в главе 7 «Преступления против социалистической собственности» тем самым свидетельствуя о разном понимании национальным и советским уголовными законами степени общественной опасности данных преступных деяний. В уголовном кодексе Белорусской ССР 1960 г. отсутствовали такие понятия как «кредит», «кредитор», «должник». Однако в гражданском кодексе Белорусской ССР был закреплен раздел III «Обязательственное право». Согласно ст. 156 Гражданского кодекса 1964 г. «Понятие обязательства и основания его возникновения». «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенные действия как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности»⁸. Из чего следует, что советское законодательство предусматривало охрану обязательственного права исключительно в рамках гражданского судопроизводства.

Формирование рыночных отношений, развитие банковской системы, падение социализма привело к существенным изменениям в хозяйственной деятельности постсоветских государств: экономическая преступность приобрела новые формы, что и обусловило криминализацию общественно опасного деяния уклонения от погашения кредиторской задолженности в уголовном кодексе Республики Беларусь.

Заключение. Формирование и становление уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности в контексте истории права Беларуси начинается со Статутов ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг.,

⁷ URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/zakb1235.htm>.

⁸ URL: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/GK_BSSR_1964.pdf.

нормы которых ввели такие понятия как «кредитор», «должник», «долговая запись», «залог», «залогодатель», «залогодержатель», что свидетельствует о начальном формировании обязательственного права. Введение долговой записи способствовало формированию правосознания общества, вывело правовую культуру граждан на новый уровень посредством введения обязанности документального подтверждения межличностных денежных отношений, тем самым упорядочив сферу долговых обязательств, устранив споры по поводу их возникновения. Нормы Статута ВКЛ 1588 г. регулировали долговые отношения, предметом которых могли выступать как движимые вещи, взятые в долг на определенное время, так и суммы денег. В качестве новеллы выступала необходимость применения залога для обеспечения обязательства.

После распада Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи. С этого момента начался процесс русификации территории. Следовательно, следующим этапом становления уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности УК Республики Беларусь стало российское законодательство соответствующего периода. Отметим прогрессивность уголовно-правовой защиты кредитных отношений, а именно наличие уголовной ответственности за злостное банкротство в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., согласно которому предусматривалась ответственность должника перед кредитором, в случае если он не исполнял взятое на себя обязательство. Устав о наказаниях 1864 г. долговые обязательства на сумму, не превышающую трехсот рублей, относил к числу уголовного проступка и предусматривал наказание за данные деяния в виде тюремного заключения сроком от одного до трех месяцев, тем самым заложив начало принципа гуманизма в систему наказаний. Уголовное уложение 1903 г. содержала главу XXXIV «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу». Указанный выше документ предусматривал ответственность за «неисполнение обязанностей должника по отношению к его кредиторам», «сокрытие способов удовлетворения кредиторов», «противозаконное распоряжение своим имуществом во вред кредиторам». Таким образом, несмотря на неразвитость хозяйственных отношений XIX в. уголовно-правовое законодательство Российской империи, в состав которой входили земли Белоруссии, должным образом охраняло отношения между должниками и их кредиторами. По сути, вышесказанное является некоторыми из обязательных признаков объективной стороны состава преступления уклонения от погашения кредиторской задолженности в нынешнем его понимании.

Уголовное законодательство советского периода охрану обязательственного права предусматривало в рамках гражданского судопроизводства. Отдельные нормы, имеющие общие начала охраны договорных отношений, существовали в уголовном законодательстве Белорусской ССР. Несмотря на значительное сужение хозяйственных отношений посредством исключения из них частной предпринимательской деятельности, уголовный кодекс Белорусской ССР 1928 г. способствовал становлению института ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности. В рамках ст. 252 а) предусматривалась ответственность за неисполнение любого вида гражданско-правового обязательства «Неисполнение договора с государственным, общественным или кооперативным учреждением, или предприятием, если при рассмотрении дела в порядке гражданского судопроизводства установлен злонамеренный характер неисполнения». В данной норме законодатель понимал иначе исследуемое нами общественно опасное деяние: расширение предмета преступного посягательства, задача гражданского судопроизводства установить факт злонамеренного характера неисполнения обязательства, объективная сторона сконструирована по признаку формального состава преступления, отличие в субъекте преступления.

Общественно опасное деяние уклонение от погашения кредиторской задолженности в нынешнем его понимании уголовному праву советского периода было не известно. Обратим внимание на состав преступления ст. 92 Уголовного кодекса БССР 1960 г. «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверием», содержащейся в главе 7 «Преступления против социалистической собственности». По своей направленности ст. 92 УК БССР 1960 г. имела общие признаки объективной стороны со ст. 242 УК Республики Беларусь. Однако советский законодатель общественную опасность в ст. 92 УК БССР 1960 г. определил в качестве угрозы причинения ущерба социалистической собственности. Объективная сторона имеет существенное сходство с составом преступления «Хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества» ст. 90 УК БССР. Отметим, что, несмотря на существование главы «Хозяйственные преступления» в уголовном законе 1960 г. общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрено в ст. 92 УК БССР, не связывалось с посягательством на экономическую деятельность советского государства.

Таким образом, история становления уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности не была системно поэтапной и последовательной как в экономическом, так и в уголовно-правовом смысле. Уголовное законодательство советского периода не знало данного вида преступления, криминализация исследуемого деяния произошла в условиях постулирования свободы экономической деятельности, но без учета и криминологического анализа социально-политических изменений контроля возможных злоупотреблений свободой экономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волженкин, Б.В. Служебные преступления : учеб.-практ. пособие / Б.В. Волженкин. – М. : Юристъ, 2000. – 368 с.
2. Таганцев, Н.С. Курс русского уголовного права : Часть общая. Книга 1 / Н.С. Таганцев. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1874. – Кн. 1, вып. 1–3 : Учение о преступлении. – VI, 284, VIII с.

3. Барков, А.В. Реформа уголовного права в Беларуси (1989–1999 гг.) / А.В. Барков // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2015. – Вып. 26. – С. 247–266.
4. Жук, Д.С. Уплыў палітыка-правовых ідэй мысліцеляў антычнасці на палітычную і прававую думку Вялікага Княства Літоўскага і яго заканадаўства другой паловы XVI ст. [Электронный ресурс] // Д.С. Жук // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Лугвин, С. Великое Княжество Литовское и Русское государство / С. Лугвин // Беларуская думка. – 2015. – № 3. – С. 58–63.
6. Юхо, Я.А. Юрыдычная школа / Я.А. Юхо // Энциклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Минск : БелЭн, 2003. – Т. 6. – Ч. 2. – 616 с.
7. Павлов, В.И. Рецепция права Чехии в правовую систему Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского [Электронный ресурс] // В.И. Павлов // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
8. Доўнар, Т.І. Дасягненні і недахопы ў развіцці гісторыка-прававой навукі Беларусі [Электронный ресурс] // Т.І. Доўнар // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь.. – Минск, 2021.
9. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т.І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 552 с.
10. Юхо, И.А. Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке : дис. ... д-ра. юрид. наук : 12. 00. 01 / И.А. Юхо. – Минск : БГУ, 1979. – 399 с.
11. Доўнар, Т.І. Андрэй Волян (Валян) – беларускі філосаф і правазнаўца XVI стагоддзя / Т.І. Доўнар // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 8. – С. 75–77.
12. Забойко, В.И. Право государственной собственности в Великом Княжестве Литовском в период до 1569 года [Электронный ресурс] / В.И. Забойко // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
13. Захилько, К.С. Исторический аспект криминализации деяний, входящих в группу криминального банкротства [Электронный ресурс] / К.С. Захилько // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь.. – Минск, 2021.
14. Жук, Д.С. Уплыў рэфармацыйнага руху на развіццё заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага другой паловы XVI стагоддзя [Электронный ресурс] / Д.С. Жук // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
15. Балашенко, С.А. «Статуты Великого Княжества Литовского» – правовые памятники и мировое наследие земель Беларуси [Электронный ресурс] / С.А. Балашенко // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь.. – Минск, 2021.
16. Тараборин, Р.С. Статут Великого Княжества Литовского 1588 года и Уложение царя Вахтанга VI: сравнительный анализ систем национального права Беларуси и Грузии перед вхождением в состав Российской империи [Электронный ресурс] / Р.С. Тараборин // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
17. Коробко, Е.Ю. История развития нормы об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в России / Е.Ю. Коробко // История государства и права. – 2007. – № 1. – С. 15–16.
18. Бруханчик, Е. Экономические преступления служащих кредитных учреждений белорусских губерний в начале XX в. / Е. Бруханчик // Банкаўскі веснік. – 2013. – № 23. – С. 60–63.
19. Вроблевский, А.Б. Уголовный кодекс 1926 г. Комментарий / А.Б. Вроблевский, Б.С. Утевский,; под общ. ред. Е.Г. Ширвиндта. – 2-е изд. – М. : Изд-во НКВД, 1928. – 356 с.
20. Научно-практический комментарий к уголовному кодексу Белорусской ССР / А.В. Барков [и др.] ; под общ. ред. А.А. Зданович. – Минск : «Беларусь», 1989. – 429 с.

Поступила 19.09.2022

CRIMINAL LEGAL RESPONSE TO THE EVASION FROM REPAYMENT OF ACCOUNTS PAYABLES IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF CRIMINAL LAW

V. KUKSHTEL

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article analyzes the criminal-legal reaction to the evasion of repayment of accounts payable in the socio-historical aspect of the development of economic relations. The Statutes of the Grand Duchy of Lithuania (hereinafter referred to as the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania), the Charter on Punishments of 1864, the Criminal Code “On Bankruptcy, Usury and Other Cases of Punishable dishonesty on property” in 1903, as well as the criminal legislation of the Soviet period. The historical and legal analysis of the evasion of repayment of accounts payable is not only of theoretical but also of practical importance, since it contributes to a better understanding of the legislative structure of the crime under study.

Keywords: *accounts payable, history of development, GDL Statutes, evasion, law of obligations.*